

Ренат Беккин
Ислам от монаха Багиры

«Кислород»

2007

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос = Рус) 6-44

Беккин Р. И.

Ислам от монаха Багиры / Р. И. Беккин — «Кислород», 2007

ISBN 978-5-901635-18-6

Что делать, если Вы попали в один из шариатских судов? Как решить дело о разводе по шариату, не имея никакого представления о том, что это такое? Можно ли ужиться с тремя официальными женами в небольшой квартире в Санкт-Петербурге? Как «сходить налево» и, не потеряв денег по брачному договору, взять вторую жену? Все, что Вы хотели узнать об исламе – в «Исламе от монаха Багиры» – романе-фьюжн молодого, талантливого писателя.

УДК 821.161.1-31

ББК 84 (2Рос = Рус) 6-44

ISBN 978-5-901635-18-6

© Беккин Р. И., 2007

© Кислород, 2007

Содержание

День Мадины	6
Нежданный гость	13
Допрос и обыск	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ренат Беккин

Ислам от монаха Багиры

*Посвящается памяти моего отца Ирика Файзрахмановича
Беккина*

© Ренат Беккин. 2007

© ИД Кислород. 2007

© Дизайн обложки П. Папихин. 2007

Дорогой читатель! Спасибо, что ты согласился взять в руки эту книжку, не боясь прослыть кровожадным террористом и ваххабитом. В благодарность за это автор не смеет долее держать тебя в неведении и решается раскрыть все карты сразу.

Любезный читатель, спешу тебя разочаровать. То, что ты держишь в своих драгоценных руках, – не совсем детектив. Скорее, это учебник, который можно было бы назвать «Введение в мусульманское право» или «Некоторые особенности мусульманского права». Вдохновленный средневековыми мусульманскими юристами, чьи труды читаются столь же легко, как и искусно придуманный детектив, автор был осенен мыслью создать детектив, который бы читался с не меньшим интересом, чем учебник по шариату.

Итак, милый читатель, закрой глаза и представь, что, пробудившись как-то утром после блаженного сна, ты вдруг окажешься в стране, где введено шариатское судопроизводство...

Все герои вымышленные.

Любые совпадения случайны.

День Мадины

По свидетельству Анаса бин Малика (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!): «Помогайте вашему брату, будь он угнетатель или угнетаемый». Люди спросили: «О, Посланник Аллаха! Понятно, что нужно помогать тому, кто угнетает, но как можно помогать угнетателю?» Пророк ответил: «Путем удержания его от угнетения других».

Приведено у аль-Бухари

Было около шести вечера, когда Абдулла покинул старинное, ничем не примечательное, кроме своего возраста, здание шариатского суда на Невском. Едва не растянувшись на обледеневшем крыльце, он вознес хвалу Аллаху за удачное избавление, поправил слегка покосившуюся шапку и направился домой. К вечеру опять похолодало, – на этот раз до минус двадцати двух. Абдулла с благодарностью засунул свои небольшие костлявые ручки в варежки из добротной верблюжьей шерсти, присланные около года назад братом Сашей.

«Хорошо тебе сейчас, Саня, – фыркая навстречу морозу, подумал Абдулла. – Море, солнце, устрицы...»

Абдулла обожал устриц. Он мог съесть их сколько угодно и с чем угодно: с йогуртом, квасом, сметаной, фасолью, дыней и даже неуклюжими оладьями, которые каждое воскресенье ему готовила старшая жена Аня. Средняя жена Зайнаб, глядя на бессловесных тварей, бессмысленно плававших в кастрюльке, ворчала:

– Нечистые это существа, на них смотреть-то противно, не то, что есть.

«Глупенькая! – вспомнив о Зайнаб, сказал про себя Абдулла. – Какие же это нечистые животные? Покажи мне хоть одно, пусть даже самое отдаленное упоминание в Коране или достоверных хадисах Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) о том, что правоверному нельзя есть устриц. Выдумщица!»

В таких вопросах с Абдуллой лучше было не спорить. С тех пор, как два года назад вышла его книга «Аль-Халаль ва-ль-харам фи-ль-ислам»¹, он считался одним из самых уважаемых специалистов в области дозволенного и запретного в исламе. В свое время сам профессор Авдеенко обращался к нему за советом по поводу легитимности (с точки зрения шариата) договора контрактации. Но разве Авдеенко указ для Зайнаб? У нее на все свой ответ и свои законы.

«Бедная Зайнаб, – продолжал размышлять Абдулла, немедленно раскаявшись в своей уже не в первый раз невысказанной грубости по отношению к средней жене, – что ты понимаешь в устрицах! Ты просто не умеешь их так же вкусно готовить, как это делает Мадина. Кстати! Сегодня же понедельник – день Мадины. Надеюсь, сегодня она не обманет мои ожидания, тем более, что я это, кажется, заслужил».

На улице было тяжело пройти от обезумевших искателей подарков и предпраздничных неожиданностей. Нерасторопные дворники, пару раз взмахнув большими деревянными лопатами с нелепой надписью «Made in Russia», делали очередной неспешный, как и их неосмысленная трудовая жизнь, перекур.

– Дворники?! – изумился Абдулла. – За несколько часов до Нового года?! Наверное, евреи.

¹ «Дозволенное и запретное в исламе» (араб.).

Приятно пораженный ответственным подходом сограждан к своей работе, Абдулла умиленно улыбнулся и продолжил путь домой. Ноги неуклюже скользили по неровно сформировавшемуся льду. Лед встречался даже на дороге, отчего многочисленные машины, везшие своих обладателей к праздничному столу, вынуждены были ехать тише обычного. Благодаря неромантичным и суетливым пешеходам невесомый белый снежок, нежно и даже как-то по-приятельски падавший с неба, в мгновение превращался в неприятную на вид кремообразную жижу, заставлявшую человека, натыкавшегося на нее, уподобляться в своих движениях разным по-настоящему нечистым животным.

Весь Невский проспект, по которому шел Абдулла, был украшен установленными повсюду нарядными плакатами и вывесками на русском и арабском языках, извещавшими о грядущем празднике, светом от елочных огней в витринах магазинов и от самих витрин. По дороге Абдулла задевали чьи-то локти, ладони, плечи. В такой толкучке о ритуальной чистоте можно было забыть.

Абдулла не очень любил Новый год. При мысли об этом, казавшемся ему архаичном празднике, в его все еще свежей памяти уныло и скоротечно перемещались черно-белые картинки из детства: суета на кухне, веселье, сменяемое руганью, шампанское вперемешку с водкой, не успевшие просолиться огурцы.

Абдулла ненавидел алкоголь. Наверное, поэтому, как с усмешкой говорили друзья, ему было не так сложно принять ислам. Недоброжелатели утверждали, что он сделал это из карьеристских соображений: мол, сейчас в России необрезанному сложно занять более или менее серьезный пост. Пусть думают, что хотят. Поистине, только Аллаху ведомо, что в сердцах людских!

Как и все неофиты, Абдулла был немного фанатиком: молился не положенные пять, а шесть раз в день, постился не только в Рамадан, но и в течение двух других месяцев. Единственной его слабостью, известной окружающим, были уже упомянутые устрицы. Однако, будучи строгим к себе, он был более чем снисходителен к порокам и слабостям других людей – как правоверных, так и немусульман, забывая о своей доброте лишь в минуты величайшего гнева.

Однажды, только заняв должность председателя Н-ского шариатского суда г. Санкт-Петербурга, он из любопытства зашел в специальное помещение при суде, где осуществлялись телесные наказания по свежевнесенным приговорам.

То, что Абдулла увидел, вынудило его вскрикнуть от ужаса. На безмерном деревянном столе, покрытом изорванной в клочья клеенкой, лежало чье-то синюшное полуобнаженное тело, над которым, не покладая рук, обливался потом палач-трудоголик. Увидев незаметно вошедшего в комнату Абдулла, исполнитель наказаний в соответствии с шариатом Саид Касумов на миг остановился и с каким-то ожесточенным задором поздоровался, а потом, будто вспомнив о своем главном предназначении, широко замахнулся на осужденного тонкой деревянной палкой, ужасно похожей на бейсбольную биту.

Но нанести удар он не успел. Неизвестно каким образом палка, или бита, вдруг оказалась в руках Абдуллы, а сам палач, пикантно изобразив ногой в воздухе что-то среднее между буквами «алиф» и «каф», антихудожественно распластался на полу.

– Вставай, – заорал Абдулла, и здоровяк Саид испуганно вскочил на ноги. – Снимай рубашку! Ну!

Саид оголил свое более чем упитанное белое тело с небритыми подмышками и вслед за тем содрогнулся от сухого острого удара под лопатку. Второй удар оказался на порядок сильнее первого, и Саид машинально потянул руку к большому месту, за что тут же схлопотал палкой по ладони.

– Что?! Больно?! – с этими словами Абдулла наотмашь ударил Саида пониже спины.

Саид мучительно взвыл и кинулся по направлению к выходу. Но ловкий Абдулла предательски подставил ему ногу, и заплечных дел мастер уронил на пол свое натруженное мокрое тело.

– За что вы меня так? – взревел Саид.

– А ты его за что? – Абдулла указал палкой на ожившего от воплей Саида осужденного, с увлечением и приятным удивлением наблюдавшего за избиванием своего мучителя. – Вставай!

– А вы больше бить не будете? – обреченно спросил Саид.

– Не буду. Вставай! Врача сюда! Где врач? – не унимался Абдулла.

– Не знаю... В больнице, наверное, – почти прошептал Саид.

– Что?! Да знаешь ли ты, что по закону врач должен присутствовать при каждом телесном наказании, чтобы в случае необходимости оказать помощь пострадавшему?! – загромычал своим могучим, никак не гармонизировавшим с его весьма скромной комплекцией, голосом Абдулла.

– Какой же он пострадавший! Он – осужденный, – слово «осужденный» Саид произнес с ударением на втором слоге.

– Молчи! Вставай!

Саид неуверенно поднялся и сделал два шага в сторону от Абдуллы, который, меж тем, начал потихоньку успокаиваться.

– Я еще раз спрашиваю: кто дал тебе право издеваться над этим несчастным? – спросил Абдулла уже не так громко.

– В-вы, – заикаясь, ответил Саид, с опаской глядя на Абдуллу в ожидании новых ударов.

– Я?! – Абдулла с трудом удержался, чтобы снова не ударить наглеца.

– Вы же вынесли сегодня приговор. Назначили этому пьянице тридцать ударов... Осужденный Бабаханов. Осужден за появление в непотребном виде в публичном месте и нарушение общественного порядка. Помните?

– Да, я действительно назначил ему тридцать ударов, но не этим! – Абдулла со злостью ударил палкой, похожей на битую, о каменный пол так, что одна ее половина с треском отлетела в сторону.

– А чем же еще? У нас другого нет, – виновато развел руками Саид.

– И давно вы таким образом «работаете»? – немного успокоившись, Абдулла перешел на более привычное «вы».

– Через месяц будет пять лет, – с непонятной Абдулле гордостью произнес Саид.

– И все эти пять лет вы издеваетесь над осужденными?! – услышав эту чудовищную новость, Абдулла почувствовал, как задрожали его руки, – так, что ему пришлось спрятать их в карманы. – Вот что, дорогой, я вам гарантирую, что вы будете наказаны, – объявил он тоном, не вызывавшим сомнений.

– За что? – Саид боком попятился к столу, на котором распластался приходивший в себя осужденный, и, приоткрыв один из нижних ящиков стола, достал какую-то книжицу, заляпанную подозрительными коричневыми пятнами.

– Это еще что? – резко спросил Абдулла.

– «Инструкция исполнителю наказаний в соответствии с шариатом», – торжественно прочитал Саид надпись на обложке. – Вот здесь, страница три, написано: «Наказание в виде определенного количества ударов может производиться палкой или любым другим подручным средством, – по возможности, – без нанесения кровавых ран».

Абдулла нетерпеливо вырвал из рук трясающегося от страха Саида книжку с коричневыми пятнами.

– Любым другим подручным средством! По возможности, без нанесения кровавых ран! Кто это придумал?! – Абдулла чувствовал, что вновь теряет над собой контроль.

– Не знаю, – губы Саида дрожали и молили о пощаде. – Инструкция ГУИНа.

– Так вот, любезный, слушайте меня и хорошенько запоминайте, – Абдулла бросил быстрый взгляд на осужденного. – Нет, сначала приведите его в чувство. Умрет он или выживет, вы будете наказаны аналогичным образом. Причем, те удары, которые вы только что получили от меня, – не в счет.

– Понял, – Саид нежно дотронулся до своих свежих ран.

– Ну что вы стоите! Принесите воды, – Абдулла подошел к лежавшему. – Как у вас дела? Вы можете встать?

– Никто еще не умирал, – пробурчал Саид и пошел в туалет за водой.

– Вас не спрашивают! – Абдулла пожалел, что так рано разделался с палкой.

Осужденный попытался встать, но, сделав два шага, повалился на пол. Абдулла подбежал к Бабаханову и, взяв его на руки, положил в кресло, в котором в перерывах между неотвратимыми для провинившихся бедолаг наказаниями баловался кофейком Саид. Достав мобильник, Абдулла набрал «скорую». Врачи обещали приехать как только, так сразу, если не задержат «пробки» и другие, более важные, вызовы.

Абдулла наклонился над ухом Бабаханова:

– Не беспокойтесь, пожалуйста, мы проведем служебное расследование и накажем, кого следует. Но для получения компенсации за полученные увечья вам или вашим родственникам необходимо обратиться в суд.

Пришел Саид с графином. Напоив осужденного, Абдулла обратился к виновато шурившемуся исполнителю наказаний в соответствии с шариатом.

– А теперь слушайте меня! Слушайте внимательно! Вне зависимости от того, уволют вас или нет, вам следует зарубить на своем носу следующие вещи. Во времена Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) наказывали не палкой, а пальмовой ветвью.

– Так где ж ее взять? – удивился Саид, предварительно удалившись от Абдуллы на безопасное расстояние.

– Не перебивайте! – резко оборвал Саида Абдулла. – Могли бы обратиться ко мне, и я бы вам ее достал. Но даже, если у вас не было возможности отыскать пальмовую ветвь, можно было использовать розги, наконец. Почему вы самоуправствуете?

– Мой предшественник тоже наказывал такой палкой. Она мне, кстати, от него по наследству досталась, – казалось, Саид гордился этим обстоятельством.

– Аллаху та'ала²! Сколько же людей вы погубили, фашисты?! – закатив глаза и воздев руки к люстре, прокричал Абдулла.

– Зачем вы так? Мы не фашисты! – по-детски неуклюже огрызнулся Саид. – Никто вроде бы пока не умер.

– Вроде бы! – гневно повторил Абдулла. – Нашли чему радоваться! Впрочем, слушайте дальше. Кто вас учил так наносить удары?

– Ну, уж как бить – меня учить не надо. Я специальные подготовительные курсы в Москве закончил. У меня диплом с отличием, – Саид опять залез в ящик стола и достал оттуда зеленого цвета корочку с вкладышем. – В этом деле мне во всем Питере равных нет. Вы вот лучшим шариатским судьей считаетесь, а я – лучшим исполнителем наказаний.

– Дайте-ка это сюда, – Абдулла со злобным любопытством отобрал у Саида диплом с оценками: «Настоящим дипломом подтверждается, что его обладатель Саид Касумов прослушал двухмесячный курс и получил специальность исполнителя наказаний в соответствии с шариатом. Обладатель данного диплома может работать в качестве исполнителя наказаний при шариатских судах и местах лишения свободы, где содержатся мусульмане. Диплом недействителен без вкладыша с оценками».

² О, Всевышний Аллах! (араб.).

К диплому прилагалась помятая бумажка, заляпанная все теми же коричневыми пятнами.

– Так-так... История ислама. Пять... Основы шариата. Пять... Физическая подготовка. Пять. Кто бы сомневался!

– У меня еще рекомендательное письмо от начальника курсов есть и справка о распределении, – похвастался Саид.

– Видел я их, – апатично произнес Абдулла. – Знаете что, зря вы так радуетесь. Если бы Пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) увидел, как вы бьете этого несчастного, он бы вас, мягко выражаясь, очень огорчил. Наносить удары надо так, чтобы локоть не отрывался от тела, смотрите: вот так, – Абдулла прижал правый локоть к боку и стал неспешно двигать рукой вверх-вниз.

– Ничего себе! Но ведь так не больно совсем! – возмутился Саид.

– Аллаху 'азым³! – Абдулла схватился за голову. – Кого только берут работать... Цель наказания – не увечье человека, а возмездие, направленное на его исправление. Главное, чтобы осужденный осознал свою вину и больше никогда так не поступал. А если его лупить нещадно, то он от этого только злее станет.

– Надо же... Я не знал. Я исправлюсь! Обязательно исправлюсь! – ишачьим голосом застонал Саид.

Абдулла молчал, придирчиво рассматривая Саида.

– Да, и побрейте под мышками, пожалуйста. Нехорошо как-то...

Пока Саид обдумывал ответ на эту необычную то ли просьбу, то ли приказ, в комнату для наказаний бодро вошел врач, добродушный, на первый взгляд, крепкий старик, с окрашенной в фиолетовый цвет длинной бородой. Неслышно поздоровавшись, он сразу направился к осужденному. Вслед за ним вошли два санитары с носилками. Поколдовав некоторое время над лежавшим, «фиолетовый» доктор обратился к Абдулле:

– При поверхностном взгляде у больного перелом позвоночника, копчика и двух ребер, – сообщил он звонким голосом. – Необходима срочная госпитализация. С вашего позволения, мы заберем его.

– Да, конечно, – пробормотал Абдулла, несколько не разделяя восторженного пессимизма доктора Папазяна, как гласил здоровых размеров бейдж, прикрепленный к широкой груди врача.

– Вот, распишитесь здесь, – Папазян достал из кармана желтую бумажку бланка.

Абдулла машинально черкнул свою фамилию. Когда он обернулся, чтобы взглянуть на Бабаханова, он увидел, что тот уже лежит на носилках, уносимых ловкими санитарями. Вслед за ними величаво шествовал доктор. Подойдя к выходу, он стремительно обернулся.

– Безобразие! Тут к нам десятки вызовов за день, так еще вы прибавляете работы со своим шариатским законодательством. Эх, не было у бабы забот, – презрительно причмокнув губами, доктор Папазян покинул помещение.

Абдулла посмотрел на Саида, и тот все понял.

На следующий день рано утром Саид принес заявление об уходе, но Абдулла почему-то не подписал его. От радости Саид упал на колени и, заливаясь слезами подобно употребившей после бани спиртного плаксивой старухе, попытался поймать правую руку Абдуллы.

– Перестаньте! Встаньте немедленно! – закричал Абдулла и отбежал в сторону, словно на него собралась прыгнуть отвратительная лягушка.

Саид повиновался.

– Рано радуетесь, – Абдулла меланхолично провел тыльной стороной ладони по наморщившемуся лбу. – К исполнению своих обязанностей вы сможете приступить только после

³ О, Великий Аллах! (араб.).

вынесения судом решения по вашему делу. Сегодня утром по электронной почте я получил иск родственников потерпевшего Бабаханова. Да-да! Из подсудимого и осужденного он вашими стараниями превратился в потерпевшего. Он сейчас находится в очень плохом состоянии. Думаю, что речь будет идти о полной дийе⁴, а это на сегодняшний день – около десяти тысяч рублей⁵. С учетом смягчающих обстоятельств – минимум тысяч восемь. Сомневаюсь, что вы сможете отыскать такие деньги. Так что, батенька, готовьтесь к кисасу⁶. Кстати, сколько ударов вы успели нанести осужденному до моего прихода?

– Восемнадцать, кажется, – не сразу вспомнил Саид.

– Немало! Вот и получите свои восемнадцать ударов, – подытожил Абдулла. – Только бить вас будут не по правилам, а так, как били вы. На то он и кисас.

– Я стерплю. А потом, – Саид запнулся, – смогу я продолжить работу? Я жить без нее не могу!

– Да вы оптимист, уважаемый, – наивность и трогательность некоторых высказываний Саида не могла не вызвать улыбку.

– Я верю, что Аллах не оставит раскаявшегося раба Своего! – закатив глаза, продекларировал Саид.

– Я тоже верю, – снисходительно улыбнулся Абдулла. – Ступайте. Да! Чуть не забыл. Прежде, чем вновь, иншаалла⁷, приступить к выполнению своих обязанностей, вы мне персонально сдадите основы 'укубата⁸.

– С сегодняшнего дня начну готовиться, – радостно прокричал Саид и, несмотря на свою тучную фигуру, легкомысленно выпорхнул из кабинета Абдуллы.

Абдулла не стал увольнять Саида. Он и так получит свое по решению суда. Зачем же осложнять участь этого недалекого служаки? Он – всего лишь жертва нашего российского безразличия и бюрократизма, где даже исполнение четких и ясных, как слеза ребенка, предписаний шариата превращается в гнусную карикатуру. А потом удивляются, почему люди стараются избегать шариатского правосудия.

Накануне Абдулла не спал всю ночь, изучая чудовищную по своей невежественности инструкцию ГУИНа, которая устанавливала порядок осуществления наказаний в соответствии с шариатом. Осилив ее минут за двадцать, остальную часть ночи шариатский судья прокрутил головой на тяжелой от невеселых ночных размышлений подушке.

На работу Абдулла отправился с кружившейся головой, ноющей печенью, покалывающим сердцем и твердым желанием ехать в Москву, в ГУИН. Благо, через два дня у него начался отпуск.

В Москве Абдулла провел без пяти дней месяц, вернувшись домой полуживым – с выпученными глазами и загадочной улыбкой на уставшем лице. Но поездка не была напрасной. Многие формалисты и бюрократы полетели со своих постов, а двое даже были привлечены к

⁴ Дийа (араб. – выкуп) – вира, плата за кровь. Компенсация за убийство или увечье, предоставляемая виновным или его родственниками пострадавшему или его родным. В различные эпохи размер дийи был неодинаков. Во времена Пророка Мухаммада полная дийа (за убийство свободного мужчины) составляла 100 верблюдов, или 200 голов крупного рогатого скота, или 2 тысячи овец, или 1 тысячу динаров, или 10 тысяч дирхемов, или 200 кусков дорогой ткани, каждый из которых достаточен для изготовления одежды.

⁵ Автор полагает, что по курсу Центрального банка России на 1 января 2049 г. 1 рубль будет равен 10 китайским юаням или 800 долларам США.

⁶ Кисас (араб. – воздаяние равным) – эквивалентное наказание по принципу талиона. Является действующей правовой нормой во многих исламских государствах. За преднамеренное убийство по кисасу полагается смерть. Непредумышленное убийство (в драке, по неосторожности и др.) наказываются уплатой дийи. За увечье полагается аналогичное увечье, если это представляется возможным. В противном случае виновнику или его родственникам полагается выплатить пострадавшему компенсацию (дийу).

⁷ Если будет угодно Аллаху! (араб.).

⁸ 'Укубат – мусульманское деликтное право. Объединяет такие отрасли, как уголовное, уголовно-процессуальное, исправительное право.

уголовной ответственности за превышение служебных полномочий и причинение вследствие этого косвенного вреда здоровью граждан.

А через месяц после возвращения Абдуллы в Петербург, президент Крыжовенко издал указ «О мерах по реформированию шариатской уголовно-исполнительной системы в стране». Указ должен был вступить в силу с первого января следующего года. Может быть, поэтому Абдулла впервые в жизни с нетерпением ждал наступления Нового года. А может быть, еще и потому, что ему просто хотелось выспаться во время этого непонятного старомодного праздника.

Перед самым домом Абдуллы компактно расположился шумный елочный базарчик.

– Может, в самом деле, купить елку? – подумал Абдулла. – Почему бы и нет? Все жены, даже суровая Зайнаб, просили его поставить в доме елку... Да простит Аллах мне эту детскую слабость! – мысленно произнес эти заветные слова, Абдулла решительно устремился к оголовок наскоро сколоченным деревянным забором деревьям.

Но прежде чем он успел сделать последний шаг навстречу невинному греху, он почувствовал, как чья-то рука аккуратно подхватила его под локоть.

Нежданный гость

По свидетельству Зайда бин Халида аль Джу'анни (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Посланника Аллаха: «Не сообщать ли мне вам, кто является лучшим из свидетелей? Это тот, кто предлагает свои (свидетельские показания) до того, как его попросят об этом».

Приведено у Муслима

Обернувшись, Абдулла увидел невзрачного бородатенького человечка в очках, одетого в теплую, но заметно поношенную дубленку. На голове его была черная мутоновая ушанка с опущенными ушами.

– Простите, уважаемый Абдулла Петрович, что беспокою вас столь бесцеремонным образом, – виноватым голосом произнес незнакомец. – Я шел за вами от самого здания суда, но все никак не решался подойти.

– Да-да, я вас слушаю, – Абдулла, который пребывал в тот в момент в столь знакомом каждому из нас состоянии усталости и растерянности, ничуть не удивился, а тем более не испугался появлению незнакомца в дубленке.

– Извините, я не представился, – незнакомец смущенно теребил в руках снятую варежку. – Меня зовут Илья Александрович Баум. Я – ведущий научный сотрудник Института востоковедения.

– Профессор Баум?! – пораженный Абдулла схватил Илью Александровича за обе руки и потряс имив воздухе. – Вот уж не ожидал! Я читал ваши книги. Признаюсь, давно мечтал с вами познакомиться.

Профессор Баум был широко известен среди специалистов своими добросовестными исследованиями по коранистике. Восхищение и удивление коллег вызывало даже не то, что у Баума едва ли не раз в год выходила очередная объемная монография с внушительным списком использованной литературы, а то, что он умудрялся вводить в научный оборот источники, до этого практически неизвестные специалистам.

Друзья шутили, что на даче у Баума хранится, по меньшей мере, сказочная библиотека халифа Гаруна аль-Рашида, книги из которой его предприимчивые предки сохранили до наших дней. В ответ Илья Александрович лишь отшучивался, а однажды, пригласив коллег на дачу, показал им весь дом, включая погреб, чтобы все убедились, что у него ничего нет. Но это только прибавило ему заслуженной таинственной славы.

Неудивительно, что Абдулла, много раз слышавший легенды о профессоре, был безумно рад его внезапному появлению. Вот и не верь после этого в новогодние чудеса!

– Спасибо, Абдулла Петрович, – устало улыбнулся профессор. – Я тоже много слышал о вас. Очень много хорошего... Собственно говоря, поэтому я и решил к вам обратиться. Вы извините, что я сразу перехожу к делу... В другой раз я бы, конечно, не посмел так поступить, но теперь... Теперь я ни о чем больше не могу говорить и думать, как только о своей беде. Абдулла Петрович, поверьте, мне очень совестно, что я отвлекаю вас прямо перед праздником, но, – профессор запнулся и отвел в сторону взгляд. – Помогите мне, пожалуйста! Только вы можете мне помочь.

– Дорогой Илья Александрович, не волнуйтесь, пожалуйста, – тревога профессора начала постепенно передаваться Абдулле. – Я вас слушаю, и вы меня совсем не задерживаете. Мы находимся перед моим домом, и уж к последнему удару курантов я по всякому, иншаалла, успею. Кстати, может быть, лучше пройдем ко мне, а то на улице холодно? Вы ведь замерзли совсем.

– Абдулле так понравилась автоматически пришедшая в голову мысль заманить профессора к себе и уговорить встретить у него Новый год, что он забыл о своем недоверчивом отношении к этому архаичному, по его мнению, празднику.

С толерантной настойчивостью Абдулла три раза повторил свое приглашение, прежде чем Баум согласился. Однако, если бы Абдулла в тот момент не находился под впечатлением от встречи с профессором, он без труда заметил бы, что Илья Александрович только и ждал того самого третьего раза, после которого он охотно последовал за Абдуллой в его гостеприимное жилище.

Когда они подошли к лифту, Абдулла вдруг замер и шмякнул себя ладонью по голове.

– Что-то случилось? – с тревогой спросил профессор.

– Да нет, ничего особенного, – махнул рукой Абдулла, – просто я забыл купить елку.

– Это не дело, – нахмурил брови Ба-ум и изобразил нечто, что в определенном состоянии духа кем-нибудь могло быть принято за улыбку, – пойдете, я помогу вам выбрать хорошее деревце.

Профессор не только помог выбрать, но и сам заплатил за елку, сославшись на то, что с пустыми руками в гости под Новый год не ходят: так пусть в этих руках будет хотя бы елка.

Прежде чем войти в квартиру, Абдулла позвонил домой по мобильнику и предупредил своих, что придет не один. Не разделяя взглядов некоторых консерваторов, утверждавших, что женщина должна находиться на своей половине и не показываться на глаза чужим мужчинам, Абдулла всякий раз приводил в пример Хадиджу, первую жену Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), которая активно участвовала в общественной жизни и была незаменимой помощницей Мухаммада Мустафы⁹. Ограничивая мир женщины, говорил Абдулла, мужчина ограничивает свой собственный мир.

Дома у Абдуллы не на шутку готовились к празднику. Огромный стол, стоявший посреди гостиной, был накрыт ручной работы белой скатертью, украшенной касыдами известных средневековых поэтов.

На столе симметрично размещались блюда с фруктами и салатами. По краям стола особняком стояли две большие тарелки с устрицами, а посередине – над царством мисок и тарелок – безраздельно властвовали два когда-то родных брата-кувшина, наполненные розовой жидкостью, с виду напоминавшей морс. Из кухни, находившейся неподалеку, ласково и по-домашнему пахло уткой с яблоками.

Но радость общения с женами была недолгой. Представив им профессора и употребив все доступные ему лестные эпитеты, касавшиеся ума, таланта и интеллигентности Баума, Абдулла попросил не беспокоить их некоторое время, добавив при этом совершенно лишнюю в подобной ситуации фразу: «если вы не возражаете».

До тех пор пока они с Абдуллой не вошли в кабинет, Баум то и дело пытался улыбаться, но вместо улыбки у него всякий раз выходила такая гримаса, о которой в приличном обществе лучше умолчать.

«Хорошо держится, бедняга», – подумал Абдулла. Радость от того, что он может быть чем-то полезен профессору, мешала Абдулле настроиться на серьезную и, скорее всего, долгую беседу.

– Я не буду отнимать ваше драгоценное время и постараюсь как можно скорее изложить свою проблему, – сказал Баум после того, как Абдулла закрыл дверь в уставленный огромным количеством книг кабинет с большим персидским ковром XIX столетия на столе и туркестанским ковром XX столетия на полу. – При этом у меня к вам, уважаемый Абдулла Петрович,

⁹ У Пророка Мухаммада около сотни имен или эпитетов, равнозначных имени. Самый употребительный эпитет – Мустафа (избранник). В соответствии с традицией, установленной в средние века мусульманскими богословами, при произнесении наряду (или вместе) с именем Пророка Мухаммада эпитета «Мустафа» необходимая в остальных случаях формула славословия («Да благословит его Аллах и приветствует!» и др.) может опускаться.

будет всего одна просьба. Не перебивайте меня, пожалуйста, до тех пор, пока я не закончу. Словом, все вопросы потом. Да и еще, – профессор умолк, словно размышляя, стоит ли ему продолжать, – хочется надеяться, что все, что я вам здесь расскажу, останется между нами.

«Великий старик», – подумал Абдулла, а вслух произнес:

– Конечно, профессор, я вас слушаю.

Абдулле уже самому не терпелось узнать, что же случилось с Баумом.

Тихо постучав, вошла Мадина с кофе, и на лице профессора опять появилась неестественная улыбка, исчезнувшая лишь после того, как за младшей женой Абдуллы захлопнулась дверь.

– Как вам известно, – начал Илья Александрович, жадно отпивая из миниатюрной чашечки отменный йеменский кофе, – я занимаюсь исследованиями в области коранистики. Меня интересует, прежде всего история создания тех или иных списков Корана, а также судьба переводов Священной Книги на разные языки. В силу специфики моей работы мне регулярно приходится бывать в архивах и библиотеках. Особенно часто мне пришлось в последнее время посещать Публичку. Я думаю, вы наверняка слышали о знаменитом собрании восточных рукописей в Публичной библиотеке. Несколько дней назад я наткнулся там на поистине бесценные рукописи, хранившиеся в запасниках и толком не систематизированные, то есть не внесенные в каталоги и известные мне списки. Я не буду вам перечислять все, что я там обнаружил, – это займет слишком много времени, да и мало чем поможет решению существующей проблемы.

Слушая профессора Баума, Абдулла не мог не отметить: «Говорит, словно пишет научную статью. Решение существующей проблемы... Забавный старик».

А забавный старик тем временем продолжал свой академический монолог, нисколько не сбавляя темпов речи:

– Обнаружив такую гору малоизученных текстов, привезенных одним русским военным еще в позапрошлом веке с Востока, я был несказанно счастлив. В последний раз к этим рукописям притрагивались лет сто пятьдесят назад, если не больше, – поймав увлеченный взгляд Абдуллы, профессор покраснел. – Простите, я отвлекаюсь.

В ответ Абдулла преданно закивал головой: «Что вы, Илья Александрович! Продолжайте, пожалуйста! Очень интересно!»

– Так вот, среди многочисленных рукописных книг, находившихся в десятилетиями не открывавшихся шкафах и не представляющих особой научной ценности, мое внимание привлекла рукопись, оказавшаяся списком Корана с сохранившимся титульным листом. Текст этот был написан почерком хиджази¹⁰ на пергамене. Рукопись имела вертикальный формат. По этим, а также ряду других признаков, касающихся, в частности, манеры написания некоторых букв, я решил, что передо мной список Корана восьмого-девятого века. Я сделал такой вывод, поскольку имел дело с другими рукописями, относящимися примерно к этому же временному периоду. По целому ряду внешних признаков обнаруженный мною список напоминал знаменитую рукопись, известную как Коран Усмана. Более точной датировки я не мог дать, поскольку даже высокоточная техника в такой ситуации может ошибаться в датировке на целых сто лет.

Не мне вам объяснять важность подобной находки. В настоящее время в мире самые ранние копии Священной Книги относятся к первой половине восьмого века. Одна копия датируется примерно 712–713 годами, а две другие – 720 или 725 годом. Но данные тексты содержат лишь незначительные фрагменты, а тут передо мной лежал полный список Корана, составленный, быть может, примерно в те же годы.

Как известно, в течение двадцати лет после смерти Мухаммада его сподвижниками было подготовлено, по меньшей мере, пять версий текста Священной Книги. Редакция комиссии

¹⁰ Хиджази – один из вариантов почерков (стилей) арабского письма. Наиболее ранние дошедшие до нас рукописи Корана, датированные VII – началом IX в., выполнены в стиле хиджази.

Зайда бин Сабита как раз и опиралась на одну из этих версий. Остальные же варианты текста Священной Книги были по приказу халифа уничтожены. После утверждения Усмановой редакции между рукописями продолжали сохраняться некоторые различия. Это так называемые кира'ат (чтения). Данные различия объясняются тем, что изначально текст Корана писался без огласовок, названия сур присутствовали не во всех текстах. Первые мусульмане не добавляли к тексту Корана никаких пометок и обозначений, считая себя не вправе видоизменять слово Аллаха. Кроме того, в ранних рукописях Корана не существовало разделителей стихов (айатов). Поэтому эти и некоторые другие особенности позволяли сосуществовать нескольким вариантам чтения Священной Книги. В конечном итоге, было утверждено семь канонических вариантов чтения Корана. Все же остальные кира'ат подверглись опале. Какой вариант чтения был передо мной, мне как раз и предстояло определить.

Ничего не соображая от счастья в предвкушении предстоявших открытий, я аккуратно убрал рукопись в шкаф и пошел в буфет пить кофе. (Я всегда, когда нервничаю, пью кофе.) Мне нужно было собраться с мыслями. Немного успокоившись, я вернулся в зал. Теперь я обратился к самому содержанию текста. Каково же было мое удивление, когда я понял, что находившийся у меня в руках список значительно отличался от привычного для нас текста Священной Книги не только числом и порядком расположения откровений, но и отдельными словами и выражениями. Я не поверил своим глазам! Передо мной была рукопись, отличная от Усмановой редакции! В рукописи было 118 сур, а некоторые айаты иначе как сенсационными, – вы уж простите меня, Абдулла Петрович, за такую терминологию, – не назовешь. Например, в тексте рукописи содержались слова, недвусмысленно утверждающие права 'Али на власть в мусульманской умме после смерти Пророка¹¹.

Абдулла недовольно зашевелился на своем продавленном стуле, но ничего не сказал.

– Но все это было детским лепетом по сравнению с айатом, который я обнаружил во второй суре, – взволнованно продолжал профессор, не замечая охватившей Абдуллу тревоги. – Айат этот в переводе с арабского звучал так: «...Многие из этих откровений, переданных мне Багирой». Это тот самый Багира, с которым, по преданию, еще до получения откровений Мухаммад встречался в Сирии!

Вы понимаете, что одной этой фразы достаточно, чтобы по-новому взглянуть не только на историю формирования текста Корана, но и на историю происхождения ислама в целом! – подпрыгнув в кресле, вскричал Баум.

Последние слова, произнесенные профессором, были слишком серьезны, чтобы Абдулла и дальше продолжал отвлеченно слушать историю рукописи. Вскочив со стула, Абдулла сделал несколько шагов по комнате. Баум замолчал, сам испугавшись категоричности своей последней реплики. Наконец, перестав перемещаться, Абдулла подошел к профессору.

– Уважаемый Илья Александрович! Извините, что я все-таки вас прерываю. Я с большим уважением отношусь к вам и вашей научной деятельности, но когда затрагиваются ТАКИЕ темы, я не могу молчать. Я прошу вас как можно скорее объяснить, чем я могу вам помочь, – сказав это, Абдулла почувствовал себя так скверно, как только может чувствовать себя человек, поднявший руку на святыню, которой многие годы поклонялся. Схватившись за голову, он упал в кресло, стоявшее в другом углу комнаты у двери, и закрыл лицо руками.

– Ради Бога, извините меня, Абдулла Петрович! – виновато засуетился профессор. – Я... поймите меня... я очень нервничаю, спешу... и из-за этого так все получается...

¹¹ 'Али ибн Аби Талиб (да будет доволен им Аллах!) – четвертый праведный халиф, двоюродный брат и зять Пророка Мухаммада. Развернувшиеся споры о праве на верховную власть между сторонниками и противниками 'Али привели к расколу в мусульманской общине (умме) на суннитов, шиитов и хариджитов. В доказательство права 'Али на верховную власть в умме шииты ссылаются на айаты Корана и многочисленные предания, соответствующим образом толкуя их.

– Это вы меня простите, Илья Александрович, – чувство стыда в Абдулле с геометрической прогрессией стало побеждать чувство возмущения. – Продолжайте, пожалуйста, но если можно...

– Вы хотите от меня краткости? – перебил его Баум. – Что ж, куда короче. Та рукопись, о которой я вам только что говорил... В общем, она пропала...

С этого мгновения все, что до этого слышал Абдулла, показалось ему невинной болтовней заумного старичка. Он хотел что-то сказать профессору, но вместо этого у него получилось бестолковое сочетание звуков.

– Как пропала?! – смог, наконец, прокричать Абдулла, и через мгновение профессор почувствовал его прерывистое дыхание у себя над лысиной.

– Господи! Вы меня до смерти испугали, голубчик, – Баум испуганно вперился в Абдулла и только когда понял, что ему ничего не угрожает, медленно достал платок и вытер покрывшийся влагой лоб, а заодно и очки.

– Это вы меня до смерти испугали, профессор, – Абдулла поспешно вернулся на свое место.

Приятное состояние расслабленности, охватившее его при выходе из суда, перестало существовать. Его мозг был готов работать так же интенсивно, как и утром. Абдулла больше не чувствовал себя учеником, осмелившимся позвать к себе в гости великого учителя. Теперь это был судья, вызвавший свидетеля для допроса.

В голове Абдуллы возникло более десятка вопросов, готовых вылиться наружу одновременно, лишь только хозяин головы откроет рот. Но все эти вопросы были бы напрасны, если бы Абдулла не узнал главного: почему профессор обратился именно к нему, судье шариатского суда, а не к мухтасибу, то бишь следователю.

Профессор, который наверняка предвидел, что его спросят об этом, сразу же дал четкий и, по-видимому, заранее подготовленный ответ.

– Да, я прекрасно знаю, что вы, Абдулла Петрович, не занимаетесь ведением следствия. Но я слышал о вас столько хорошего как о справедливом судье и просто замечательном человеке. В общем, я считаю, что кроме вас мне никто не поможет. Вы, Абдулла Петрович, наверное, считаете меня легкомысленным человеком. Может, это и так, но не настолько, чтобы я не понимал важности того, что произошло. Да, я мог бы промолчать, но моя совесть не позволяет мне это сделать. По моей вине пропала ценнейшая рукопись, и я не могу скрывать это.

– Хорошо, но чем я могу вам помочь?! – спросил Абдулла с ударением на местоимении «я».

– Помочь найти Коран, – ничтоже сумняшеся ответил профессор.

– Я?! Да вы понимаете, что я, в силу своего статуса, не имею права заниматься подобными делами?! Права не имею, уважаемый Илья Александрович! – выговаривая каждую букву, произнес Абдулла.

– Да-да, понимаю. Простите, что побеспокоил вас и напрасно украл ваше время. Еще раз с праздником, – профессор встал и, не спеша, опустив голову, побрел к выходу.

Абдулла понял, что это был всего лишь трюк, последняя возможность отчаявшегося человека привлечь его, Абдулла, на свою сторону. Глядя на сутулого, лысоватого старичка, неуверенно продвигавшегося к выходу, он почувствовал жалость к попавшему в беду профессору. Да и мог ли он теперь отпустить Баума, узнав ТАКОЕ!

Абдулла без труда догнал профессора у двери.

– Послушайте, Илья Александрович, для того, чтобы понять, могу я вам помочь или нет, я должен знать обстоятельства, при которых исчезла рукопись, – Абдулле не хотелось верить, что профессор говорит правду, но, внимательно посмотрев на Баума, он сразу же избавился от мысли об искусном новогоднем розыгрыше.

Баум глядел на Абдулла сквозь ослепшие от слез очки.

– Спасибо, коллега, – слово «коллега» приятно ушипнуло Абдулла за сердце, и он невольно улыбнулся. – Так вот, – продолжил профессор, на этот раз уже не так вальяжно расположившись в кресле, – внимательно рассмотрев рукопись, я подальше запрятал ее и пошел домой. Мысль о ней с тех пор не оставляла меня ни на минуту. Я был уверен, что держал в руках одну из самых ранних дошедших до нас рукописей, содержащих коранический текст. Заметьте, я говорю не «текст Корана», а «коранический текст», – этой фразой Баум попытался притупить остроту своих недавних высказываний о рукописи. – Однако вы сами, Абдулла Петрович, понимаете, что на одних догадках и предположениях далеко не уедешь. Мне необходимо было получить точное подтверждение моей догадке. Но тут своими силами я бы не обошелся. И я позвонил своему старинному знакомому... Впрочем, если позволите, я не буду называть его имени.

– К сожалению, мне придется попросить вас сделать это, – безапелляционно потребовал Абдулла.

– Поверьте, он здесь ни при чем. Это – честнейший человек, – взмолился Баум. – Я не хочу, чтобы у него были неприятности.

На Абдулла этот аргумент не подействовал. По своему опыту он знал, что происходило иногда с самыми честными людьми, когда речь заходила о религии.

– И все-таки я попрошу вас назвать его. Раз уж вы обратились ко мне за помощью, будьте добры выполнять мои просьбы, уважаемый Илья Александрович. – Абдулла-судья был менее разборчив в выражениях и средствах убеждения, чем Абдулла-ученый.

Перед таким доводом профессор не мог не спастись.

– Андрей Владимирович Кузин, главный научный сотрудник нашего института. Замечательнейший человек. Я вам клянусь!

– Хорошо, я вам верю, – неубедительно заверил Баума Абдулла. – Продолжайте.

– Так... На чем же я остановился? – почесал затылок профессор. – Ах, да! Я позвонил Андрею и, ничего не объяснив, попросил зайти ко мне. Когда он пришел, мы с ним так же, как сейчас с вами, заперлись в кабинете. Я рассказал ему о своей находке. Вы, Абдулла Петрович, не подумайте, что я из тщеславия никому сразу не сообщил о рукописи... А то, знаете, разное про меня рассказывают. Просто я хотел удостовериться, действительно ли передо мной древний список Корана или я всего-навсего сошел с ума. Поэтому я и позвал Андрея, у которого, кстати, колоссальный опыт работы с древними текстами. Можно сказать, в этом деле я его ученик. Он ведь писал диссертацию у самого академика Шайтанова – великого исламоведа всех времен и народов. Посоветовавшись, мы решили на следующий день сходить в библиотеку и посмотреть вместе рукопись. Когда я показал Андрею обнаруженный мною список, он долго и внимательно изучал его. По его мнению, данная рукопись была составлена где-то в начале или середине второго века хиджры¹². Я спросил Андрея, не лучше ли вызвать специалистов с аппаратурой, а затем, в случае подтверждения нашей гипотезы, пригласить прессу и объявить об уникальной находке.

– Наверное, в тот момент вы представляли себя в центре внимания, окруженным людьми с микрофонами, которые наперебой кричат: «Как вам это удалось?», «Что вы испытывали?», «Каковы ваши творческие планы?» – попытался уколоть Баума Абдулла.

– Зря вы иронизируете, – обиделся профессор. – Поверьте, мне нелегко все это вам говорить.

– Простите, Илья Александрович, я вас слушаю, – Абдулла чувствовал приближение развязки рассказа Баума и волновался с каждым произносимым профессором словом. – Сейчас, сейчас, – говорил он себе, борясь с нетерпением. – Сейчас он закончит, и все станет ясно.

¹² Хиджра – переселение Пророка Мухаммада и его сподвижников из Мекки в Медину (Йасриб) в 622 г. н. э. При праведном халифе Умаре была принята за отправную точку мусульманского летоисчисления.

– Итак, я предложил позвать специалистов с аппаратурой. Но на следующий день Андрей вдруг воспротивился моей идее. Я спросил его: почему?

«Неужели ты не понимаешь? – сказал мне Андрей. – Какая сенсация будет в мире, если мы обнаружим этот текст. Да тут война может начаться! В мире в настоящее время проживает около четырех миллиардов мусульман, и вдруг выяснится, что в возникновении ислама едва ли не ключевую роль сыграл христианский монах Багира».

С этим нельзя было не согласиться. Тогда мы решили... Господи, это надо же быть такими идиотами! Я не хочу себя оправдывать, но я был действительно опьянен находкой и ничего не соображал... Ну, в общем, мы решили вынести эту рукопись из библиотеки...

Такого сюрприза от профессора Баума Абдулла не ожидал.

– То есть, как вынести? – от удивления Абдулла в буквальном смысле открыл рот.

– Ну, просто взять и тайком вынести рукопись из библиотеки, – стараясь не смотреть на Абдулла, сказал профессор.

– А охрана?! – округлил глаза Абдулла.

– Абдулла Петрович! – покачал головой Баум. – Вы меня удивляете. Да вам любой мальчишка на улице скажет, что вынести из Публички книгу проще, чем в метро бесплатно пролезть. Андрей аккуратно положил рукопись под рубашку, и мы беспрепятственно прошли через милицкий пост.

– Аллаху 'азым! Не ожидал я от вас, Илья Александрович! – от напряжения и волнения у Абдуллы покраснели уши. – Вы понимаете, в чем вы только что мне признались?! На что вы рассчитывали, когда шли ко мне с рассказом о своем преступлении?! После того, что вы мне рассказали, я должен немедленно вас задержать!

– Абдулла Петрович! – услышав о перспективе ограничения собственной свободы, Баум, дрожа всем телом, вжался в кресло. – Дослушайте меня, ради Бога! Даже если вы меня задержите, вам все равно необходимо знать, при каких обстоятельствах исчезла рукопись.

В другой раз Абдулла улыбнулся бы этой полушутке профессора, но в те нервные оставшиеся в его памяти на всю жизнь минуты для него не существовало ничего смешного.

– Вы правы, профессор. Продолжайте, пожалуйста, – добавил он едва слышно и закрыл глаза, чтобы сосредоточиться.

Баум прокашлялся и, удостоверившись, что его пока не собираются подвергать задержанию, продолжал:

– Выйдя из библиотеки, мы пошли в метро. Решили, что рукопись будет храниться у меня. Но по дороге Андрей вдруг остановился и сказал, что сейчас в метро ужасная давка, и рукопись может повредиться, – поэтому лучше поймать машину. Поскольку у Андрея была рукопись, я стал голосовать. Сразу же остановилась дорогая машина, – кажется, «Мерседес». Водитель запросил втридорога, но Андрей настоял, чтобы мы ехали. Когда мы вышли из машины, до моего дома оставалось метров сто. Я расплатился (у Андрея, как всегда, не оказалось с собой денег), и мы пошли к моей парадной. Все произошло так быстро, что я ничего не успел разобрать. Навстречу нам шли трое молодых людей. Мне даже показалось тогда, что одного из них я где-то видел... Впрочем, может, я ошибаюсь... Они подошли к нам и попросили закурить. Я сказал, что не курю. Тогда один из них ударил меня по голове. Я упал и потерял сознание. Очнулся я где-то минут через пять. Первое, что я увидел, был Андрей, сидевший в сугробе и державший в руках мои разбитые очки. Я спросил его, что случилось. В ответ он выматерился. (Я впервые слышал, чтобы он ругался матом.) Он сказал, что у него отобрали рукопись. К сожалению, он тоже не запомнил нападавших. Вот, собственно говоря, и все...

Минуты две Абдулла молчал, обхватив ладонью лоб. В первый момент ему хотелось откровенно высказать все, что он думает о безумной выходке профессора. Чтобы не сделать этого, он по два раза прочитал про себя суры «Фатиха» и «Люди». Эмоции здесь мало чем помогут, а человека обидеть – проще простого. Мало того, что перед ним уважаемый человек

старше его более чем вдвое, так это еще и гость. Неважно, принес он добрые вести или злые: гость всегда остается гостем.

Профессор с испугом и нетерпением ждал, когда Абдулла заговорит.

– И в чем тут проблема? – тихо сказал Абдулла, продолжая напряженно обдумывать услышанное. – Что вам непонятно? По-моему, все очевидно...

– Что вы имеете в виду? – профессор с недоверием посмотрел на Абдулла.

– Дорогой Илья Александрович! – встрепенулся, словно ото сна, Абдулла.

– Сколько человек, кроме вас, знало о найденной вами рукописи?

– Один... Андрей, – промямлил Баум.

– Зачем же вы мне говорите неправду? А сотрудник библиотеки, который помог вам попасть в книгохранилище? – Абдулла в упор смотрел на Баума, каждое движение которого выдавало его с головой.

– Это женщина? Впрочем, можете не называть. Я все равно узнаю, кто это, – уверенно бросил Абдулла.

Ответом профессора были красные щеки и нервное ерзанье.

– Она ваша старая знакомая, и именно благодаря ей вы получили доступ к закрытым фондам? – с холмовской пронизательностью ошарашил профессора Абдулла.

– Откуда вы это знаете? – беспомощно простонал профессор.

– Тут не надо быть гением, чтобы догадаться, каким образом вы получили доступ к рукописям. Я даже осмелюсь предположить, как зовут вашу тайную помощницу. Я ведь тоже в свое время пользовался услугами Тамары Петровны. Кстати, она обещала познакомить меня с вами.

– Господи! – заголосил Баум. – Вы ее знаете! Она здесь ни при чем! Я клянусь вам, она была не в курсе, что мы... забрали рукопись. Я ей ничего не сказал.

По глазам профессора Абдулла понял, что тот говорит правду.

– Почему? – спросил он уже не так строго.

– Хотел сначала удостовериться, не ошибся ли я. Мы действительно с Тамарой Петровной старые приятели по университету. Господи! Она так верила мне, а я...

– Ладно, – оборвал причитания профессора Абдулла, – мы не будем сейчас разбирать ваши отношения с Тамарой Петровной. Это ваше личное дело. Я только хочу спросить, Илья Александрович. Вот вы – знаменитый ученый, разумный человек, обладаете аналитическим складом ума. Что же это получается? О найденной вами рукописи, кроме вас, знали двое человек. Вернее, один, раз вы утверждаете, что ничего не говорили о своей находке Тамаре Петровне. И этот человек, который знал о рукописи, предлагает вам выкрасть ее, на что вы охотно соглашаетесь. Около вашего дома вас избивают и рукопись отбирают. А теперь скажите мне, Илья Александрович, кто преступник? Логическая задача для первого класса начальной школы.

– Абдулла Петрович! Я вас решительно не понимаю! – брови Баума нахмурились, и Абдулле даже показалось, что профессор собирается сказать ему что-то неприятное. – Да как вы можете так думать! Я Андрею больше, чем себе, верю. Вы не представляете, что это за человек! Честнейший. Умница.

– Илья Александрович, заметьте, я не называл его имени, – подметил Абдулла. – Вы сами сказали. Кстати, вы давно его знаете?

– Лет сорок с лишним.

– Вы можете назвать какие-нибудь его недостатки, слабости? Ведь не святой же он, в конце концов.

– Да что-то даже и не могу припомнить, – призадумался Баум.

– А вы постарайтесь. Я вам помогу. Он тщеславен? – предположил Абдулла, не отрывая тяжелого взгляда от профессора.

– Что вы! – встрепенулся Баум. – Андрей всегда делился со мной, да и с другими своими идеями, открытиями.

– Он верующий? – продолжал Абдулла.

– Не замечал за ним особого рвения. Крещен – это точно. Иногда в церковь ходит. Однако не думаю, что маловерие – большой грех.

– Согласен. А как к деньгам относится?

Тут Илья Александрович, до этого бойко отвечавший на вопросы Абдуллы, приумолк.

«Кажется, в точку», – подумал Абдулла.

– Ну, разве что здесь, – уныло протянул Баум. – Есть небольшой грешок. Деньгам Андруша счет знает. Но чтобы украсть...

– Но ведь украл же! – возмущенно воскликнул Абдулла.

– Я не это имел в виду! Он же не с целью наживы вынес рукопись, а... в интересах стабильности в обществе, – беспомощно оправдывался профессор.

– Вы же сами понимаете, что могло бы случиться, если бы рукопись попала в руки недобросовестных людей.

– Я вас огорчу, Илья Александрович, – назидательно произнес Абдулла. – Скорей всего, она уже к ним попала.

В этот момент раздался вежливый стук в дверь. На пороге стояла Мадина.

– Абдулла! Новый год через пять минут! – сообщила она изумительным голосом.

– Не может быть! – Абдулла посмотрел на профессора, и оба неумело улыбнулись.

– Можно, я быстро позвоню и поздравлю родных в Иерусалиме? – спросил Баум.

– Конечно, – произнес, вставая, Абдулла. – А потом скорее идите к столу. Только шампанского вам выпить не удастся. Не держим-с.

– Ничего страшного. Я все равно не заслужил, – улыбаясь, Баум залихватски взмахнул рукой, показывая нечто типа «А ну его!»

Осушив под бой курантов бокал с приторным розовым морсом, Абдулла отвел Баума в сторону. Немного успокоившись, во многом благодаря созерцанию прекрасных лиц своих жен и сытному новогоднему ужину, он ощутил потребность загладить свою вину перед профессором. Абдулла не оставляло чувство, что он незаслуженно обидел этого талантливого, но до смешного наивного человека.

– Илья Александрович, вы мне на праздник подарили елку и почти пять часов увлекательной детективной беседы. Я решил не оставаться в долгу и не буду вас пока задерживать. Но при одном условии: вы никому не станете рассказывать о визите ко мне. Никому! И, самое главное, не будете мешать следствию.

Профессору ничего не оставалось, как согласиться.

Допрос и обыск

По свидетельству Абу Хурайры (да будет доволен им Аллах!), который передал слова Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!): «Никогда не желайте встречи с недругом, но если встретите его, наберитесь терпения».

Приведено у аль-Бухари

Весь остаток оказавшейся не очень веселой новогодней ночи Абдулла искал ответа на забытый интеллигенцией XXI столетия вопрос: «Что делать?» Перво-наперво шариатский судья постановил, что ни одна живая душа не узнает от него о случившемся до тех пор, пока он сам во всем не разберется.

Абдулла прекрасно понимал, что ему нужно как можно скорее встретиться с Кузиным. Другое дело – Баум. Что делать с ним, Абдулла не знал. Формально он должен был задержать профессора, едва только тот упомянул о своем участии в похищении рукописи. Более того, в соответствии с шариатом, личного признания человека было вполне достаточно, чтобы вынести в отношении него приговор, – при условии, что такое признание не было сделано под принуждением.

Но чего он добьется, задержав Баума? Только спугнет настоящих похитителей, воспользовавшихся беспечностью ученого. Хотя бы поэтому стоило оставить профессора на свободе. Первым, кто узнает о его задержании, будет Кузин, и только Аллаху известно, что он может натворить. Баум утверждает, что Кузин чуть ли не святой. Но можно ли верить этому несчастному, наивному человеку? Кроме того, если признания Баума вполне достаточно, чтобы вынести в отношении него обвинительный приговор, то этого же самого признания не хватит для обвинения Кузина. По шариату, для такого рода преступлений требуется свидетельство двух дееспособных мужчин или четырех женщин. А где их взять? В лучшем случае показания может дать Тамара Петровна, которая, по словам профессора, ничего не знает о похищении, а, стало быть, не является надлежащим свидетелем. Это еще один довод в пользу того, что не стоит спешить с задержанием Баума. Не следует забывать и о том, что Кузин с Баумом не мусульмане, и потому их дело может рассматриваться шариатским судом лишь в исключительных, перечисленных в законе случаях. Можно, конечно, возразить, что объектом преступного посягательства является Коран. Но в таком случае похищение рукописи нельзя квалифицировать как кражу в том смысле, в котором это понимается мусульманским правом, – со всеми вытекающими отсюда последствиями. По шариату, для того чтобы признать похищение вещи кражей¹³, необходимо, чтобы похищенная вещь обладала определенной стоимостью – не менее установленной в законе суммы, и находилась в момент похищения в том месте, где такого рода вещам свойственно находиться.

Со вторым все понятно. Где храниться книге, как не в библиотеке? Другое дело – стоимость. Священная Книга по сути своей бесценна, значит, ее похищение не входит в перечень преступлений, относящихся к компетенции шариатского суда. А если учесть, что рукопись, по словам Баума, фактически не является Кораном, то шариат здесь тем более ни при чем. Дело однозначно подлежит передаче светскому суду и должно рассматриваться в рамках традиционной трактовки понятия «кража» российским уголовным законодательством.

Отнести совершенное преступление к компетенции шариатского суда не позволяло и то обстоятельство, что, по шариату, похититель не должен был иметь свободного доступа в то

¹³ По-арабски данное преступление называется «сарика». В случае если совершенное преступление по целому ряду указанных ниже признаков нельзя квалифицировать как «сарика», его рассматривают как обычную кражу по светскому законодательству.

место, откуда он похитил вещь. Иными словами, если вы, дорогой читатель, позвали к себе гостя, а он в благодарность за это украл у вас фамильные драгоценности, данное преступление будет рассматриваться как кража без взлома, и преступник будет подвержен наказанию иному, чем отсечение кисти руки, хотя бы он и заслуживал этого по вашему справедливому мнению.

Закрыв себе вид из окна посредством всей имевшейся у него литературы по мусульманскому праву, Абдулла пытался отыскать малейшую зацепочку, которая позволила бы ему заниматься этим делом. Но чем больше он изучал совершенное преступление со всех сторон, тем больше понимал, что дело о похищенной рукописи никоим образом не может быть подведомственно шариатскому суду.

В любом другом случае он передал бы находящееся вне его компетенции дело следователю или в обычный федеральный суд. В любом другом случае, но только не в этом! Речь шла не просто о похищении старинного экземпляра Корана – был похищен Коран с текстом, отличным от существующего. (Все существо Абдуллы противилось тому, чтобы именовать похищенную рукопись Кораном, но придуманный деликатным Баумом термин «коранический текст» звучал, по мнению Абдуллы, еще более двусмысленно.)

Попади такая рукопись в руки мусульманским фанатикам или врагам ислама – результат в обоих случаях непредсказуем. Разве может он, Абдулла, оставаться в стороне? Пусть по закону он не имеет права заниматься этим делом, он все равно должен участвовать в поиске рукописи, как и любой другой мусульманин на его месте. Над исламом нависла угроза, и ни один правоверный в такой ситуации не должен оставаться в стороне. Устранив себя от защиты одной из главнейших мусульманских ценностей – веры, Абдулла совершил бы еще большее преступление, чем нарушение подведомственности и подсудности. При коллизии светского и Божественного законов приоритет должен отдаваться последнему, тем более что это несколько не противоречит Конституции, провозгласившей веру важнейшей ценностью общества и фундаментом правового государства (статья 14, пункт 1).

А потому необходимо ехать, бежать, нестись со всех ног к Кузину, пока тот не успел что-нибудь натворить!

Поспешно одевшись в прихожей и разом попрощавшись со всеми тремя женами, Абдулла вприпрыжку побежал к лифту. Только на улице его настигла простая, как лысина Баума, мысль: с какой стати Кузин должен пустить его к себе и тем более возвращать похищенное? Необходим документ, постановление суда о проведении обыска. Значит, частным лицом ему побыть не удастся!

Абдулла также вспомнил, что проведение обыска не входит в его служебные обязанности. Этим должна заниматься милиция, в крайнем случае, – судебный исполнитель с санкции шариатского судьи, но никак не сам судья. Только где этого судебного исполнителя взять? Аллаху 'азым! Время-то какое неудачное: два дня праздников. Абдулла набрал по мобильнику телефон Н-ского шариатского суда.

В трубке бодрым голосом отозвался вахтер Михалыч. Поймав машину, счастливый Абдулла помчался в суд.

– Что это вам, уважаемый Абдулла Петрович, не отдыхаетесь? – приветствовал Абдуллу бодрый Михалыч. – Погода-то какая замечательная. На лыжах бы покатались.

По радио передавали навязший в ушах хит «Сизый голубь улетает в Заполярье» в исполнении Эвенкийского национального оркестра имени Любавушкина под руководством Кирилла Ихуэсэ.

– Не до лыжек сейчас, Михалыч, – с улыбкой героя, для которого слава и смерть – одного поля ягоды, ответил Абдулла.

– Как Новый год встретили? – размеренно продолжал беседу Михалыч, неторопливо снимая с гвоздика на старомодной деревянной доске ключ.

– Неплохо, – поспешно ответил Абдулла. – Скорее, уважаемый, скорее.

– Тише едешь – дальше будешь, Абдулла Петрович, – мудро посоветовал Михалыч. Абдулла ничего не ответил беззаботному вахтеру.

Войдя в свой кабинет, он схватил чистый бланк постановления о проведении обыска и засунул его в принтер. Через несколько минут документ с печатью и соответствующей подписью был готов. Еще столько же занял поиск адреса Кузина в компьютере. Оставалось придумать что-нибудь с судебным исполнителем. Абдулла не хотел впутывать в дело лишних людей – слишком серьезны последствия утечки информации. Но ведь не может же он идти один!

Перебирая в памяти всех сотрудников суда, Абдулла не мог не вспомнить о Саиде. Недалек, но исполнительен, кажется, умеет держать язык за зубами. К тому же он обязан Абдулле тем, что не лишился работы.

«В любом случае, выбирать не приходится», – продолжал размышлять Абдулла и сам не заметил, как набрал номер Саида.

Не вдаваясь в подробности, Абдулла в приказном порядке потребовал от исполнителя наказаний в соответствии с шариатом прибыть в суд в течение получаса.

Абдулла не видел Саида больше двух месяцев. Наказание за избиение Бабаханова оказалось слишком тяжелым даже для такого крепыша, как Саид. Он слег в больницу, а последние две недели находился дома в вынужденном отпуске – вплоть до полного выздоровления. Бабаханов тоже оклемался и теперь даже пива в рот не брал, по крайней мере, в публичных местах его никто пьяным не видел.

В ожидании Саида Абдулла, не имевший до этого никакого опыта ведения следствия, прикинул на бумажке примерный план своих будущих действий.

Как быть с Кузиным? Предъявить ему постановление или попытаться вначале поговорить по-хорошему? Всякое бывает. Вдруг он возьмет, да и выдаст рукопись без лишних препирательств. Ну, а потом что? Что, если у Кузина не окажется рукописи? Что, если вообще не было ни самого похищения, ни, тем более, полумифического текста? Слишком уж неправдоподобно звучал рассказ Баума. Мысль о нереальности истории, рассказанной профессором, подняла Абдулле настроение, но меньше чем через минуту по известному закону, которому подвержены не только тела, но и человеческие мысли, Абдулла вернулся на землю.

Зачем профессору понадобилось караулить его, Абдуллу, в новогоднюю ночь, чтобы потом почти пять часов обстоятельно излагать историю похищения какой-то рукописи? Какие цели он преследовал? Насолить более удачливому коллеге? Вряд ли. Ревность? Не похоже. В любом случае, новогодняя ночь – не самое удачное время для подобных поступков. Один день в такой ситуации ничего не решает. Баум мог прийти сегодня, даже завтра, но он пришел вчера и очень волновался. Это было видно невооруженным глазом. Едва ли Баум способен разыграть такой спектакль. Значит, дело и впрямь серьезное и ехать к Кузину надо в любом случае.

Абдулла был из той исчезающей породы людей, у которых способность к аналитическому восприятию мира удачно сочетается с даром действовать решительно и смело, не опасаясь неизбежных трудностей. Подобно многоопытной черепахе, оглядывающейся по сторонам, прежде чем высунуть голову из панциря на несколько миллиметров, Абдулла обдумывал каждый свой шаг, после чего с завидной отвагой летел навстречу опасности.

Увлеченный размышлениями, Абдулла не сразу заметил, как в кабинет, слегка прихрамывая, вошел Саид. За время болезни он еще больше располнел. По-видимому, сказывался неподвижный образ жизни. Саид решил отпустить бороду. Рыжего цвета, она забавно гармонировала с абсолютно лысой головой исполнителя наказаний в соответствии с шариатом.

– Ас-салям 'алеюкум ва рахмат Аллахи ва баракатух¹⁴, уважаемый Абдулла Петрович, – несмотря на болезнь, Саид не растерял своей улыбочности.

¹⁴ Мир Вам, милость Аллаха и Его благословение (араб.) – мусульманское приветствие.

– Ва 'алейкум ас-салям, Саид, – приветствовал его Абдулла. – Извиняюсь, что оторвал вас от заслуженного отдыха.

При слове «заслуженный» Саид недовольно поморщился, живо вспомнив удары, которые ему наносил его коллега, командированный из К-ского шариатского суда.

– Саид, – неторопливо начал Абдулла, – мне нужна ваша помощь в довольно непростом деле. Я не имею права вас принуждать, поэтому если вы не хотите, вы можете сейчас же быть свободным.

– А в чем состоит это дело? – с опаской поинтересовался Саид.

– Речь идет о краже, – при этих словах Абдулла нахмурился. – Очень серьезной краже. Это все, что я пока могу вам сообщить. Так что вам придется на время убрать ковер своего нетерпения в сундук ожидания.

– Хорошо это вы сказали... про сундук, – Саид вновь подарил Абдулле свою солнечную улыбку.

– Это не я сказал, а Ходжа Насреддин, – пояснил Абдулла.

– А-а, – протянул Саид.

– Так вы согласны помочь мне? Еще раз повторяю: дело сугубо добровольное, – пристально поглядев в глаза Саиду, напомнил Абдулла.

– Да, – неожиданно для Абдуллы быстро и уверенно ответил Саид.

– Спасибо, – Абдулла с признательностью пожал Саиду руку. – Тогда срочно наденьте форму судебного исполнителя. Сегодня вам придется поработать в этой должности.

Счастливый Саид побежал натягивать форму, и через десять минут, совершив намаз, он и Абдулла вышли из здания суда с серьезными непроницаемыми лицами.

Всю дорогу они ехали молча: Абдулла обдумывал предстоящую беседу с Кузиным, а Саид тихо дремал, уткнувшись широким морщинистым лбом в стекло.

Дом Кузина стоял немного на отшибе, окруженный с одной стороны небольшим озерцом, с другой – внушительных размеров парком, занимавшим едва ли не полрайона. Унылая, загаженная мальчишками лестница освещалась одной единственной лампой, повисшей где-то между вторым и третьим этажами. Высокие ступени, по которым, придерживая коленки, взбирались Саид и Абдулла, давно никем не убирались, а обшарпанные и исписанные поносными словами на арабском и китайском оливковые стены не оставляли у человека, взглянувшего на них, ничего, кроме бесконечного чувства одиночества и незащищенности.

Долгое время Абдулле никто не открывал, хотя за дверью отчетливо слышалось какое-то движение. Наконец, строгий и, вместе с тем, неуверенный женский голос спросил: «Кто там?»

Мысль Абдуллы беспомощно заметалась, не находя нужного ответа.

– Меня зовут Абдулла Мухин. Я – судья Н-ского шариатского суда, – промычал Абдулла, от волнения намертво вцепившись в дверную ручку квартиры Кузина.

После некоторых раздумий дверь, наконец, открыли, и на пороге перед Абдуллой обозначились две фигуры: одна женская, невысокая, в старом застиранном халатике цвета морской капусты, другая мужская – чуть повыше, в брюках и белой рубашке навывпуск. Женщине было лет пятьдесят. Излишняя полнота не позволяла точно оценить ее возраст. Мужчина же, напротив, казался моложе женщины. Короткие черные напомаженные волосы, незначительно тронутые сединой у висков, гладко выбритый подбородок свидетельствовали о том, что этот человек серьезно занимается своей внешностью.

Абдулла сразу обратил внимание на едва уловимое движение надменности, затаившееся в уголках губ мужчины. Из опыта Абдулла знал, что такие люди, несмотря на нарциссизм и презрение к остальным, склонны иногда к самоиронии. По-видимому, обладатель рубашки либо только что пришел, либо собирался в ближайшее время уходить.

– Простите, вы – профессор Кузин? – быстро спросил Абдулла мужчину.

– Да, – с подозрением ответил мужчина. – Извините, чем обязан? Понимаете, я очень спешу. У вас срочное дело?

«Не очень-то вы приветливы, дядя! – подумал Абдулла. – Ну что ж, это даже и к лучшему. Легче будет разговаривать – без обиняков».

– Дело более, чем срочное, – таинственно произнес Абдулла и тут же улыбнулся, чтобы не пугать без нужды хозяев.

Но хозяева продолжали стоять при входе в квартиру, то ли в задумчивости, то ли в растерянности. Прочитав в глазах Кузина явное нежелание его впускать, Абдулла пошел ва-банк.

– Андрей Владимирович, я к вам по поводу вашего недавнего визита в библиотеку, – Абдулла произнес эти слова спокойно, уверенно глядя в глаза негостеприимному профессору.

Кузина передернуло, будто он раздавил жабу. Его живые карие глаза стали вдруг испуганными и растерянными, а голос – более податливым и вежливым.

– Да что же мы тут стоим? Проходите, проходите, пожалуйста, – взяв Абдулла за плечо, Кузин чуть ли не втокнул его в квартиру.

– Спасибо, – безразлично поблагодарил хозяина Абдулла. – Если вы не возражаете, судебный исполнитель пройдет со мной.

В квартире было множество книг и практически никакой мебели – вот все, что успел увидеть Абдулла по пути в кабинет Кузина, более похожий на логовище динозавра, чем собственно на кабинет. Создавалось впечатление, что какой-то безумец педантично крушил здесь в течение минимум получаса все, что попадалось ему под руку. Производить обыск в таком отчаянном бардаке было равносильно самоубийству, и Абдулла поклялся сделать все, чтобы профессор сам вернул рукопись.

– Я извиняюсь за беспорядок, – голос Кузина начал обретать уверенность, – мы тут как раз прибирались.

«В белой-то рубашке?! Лжете вы, батенька!» – подумал Абдулла, а вслух произнес:

– Уважаемый Андрей Владимирович, я надеюсь, вы догадываетесь, зачем я к вам пришел?

– Не имею ни малейшего представления, – не моргнув глазом, отвечал Кузин. – Уж явно не поздравить меня с Новым годом!

– Ах, да! С праздником вас! – спохватился Абдулла.

– И вас тоже, – с издевкой ответил Кузин.

– Что ж, очень жаль, что вы вынуждаете меня действовать более настойчиво, – с грустью вымолвил Абдулла. – Я думал, этого удастся избежать. Я пришел к вам, Андрей Владимирович, за рукописью... Корана.

– Ко мне?! За рукописью Корана? – Кузин изобразил на лице удивление. – К сожалению, у меня нет рукописи Корана, молодой человек, вам следует обратиться в библиотеку Института востоковедения или...

– В Публичную библиотеку, – с иезуитской улыбкой перебил Кузина Абдулла.

Взглянув на Кузина, Абдулла увидел, что тот напряжен до изнеможения, хотя изо всех сил пытается показать свое спокойствие и безразличие к обсуждаемой теме.

– Ну, да... И в Публичную библиотеку тоже можно, – эта фраза далась Кузину путем колоссального напряжения всех его актерских способностей, а они у него, кажется, были, и не малые. Понимая, что еще немного, и он не выдержит, Кузин вдруг вскочил со своего места и, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, прошипел:

– Послушайте, уважаемый Абдулла... Как вас там?

– Петрович.

– Абдулла Петрович, если вы пришли ко мне за консультацией по коранистике, я с удовольствием побеседую с вами... но не сейчас. Извините, я очень занят, – с этими словами Кузин посмотрел на часы.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, Андрей Владимирович...

– Я не волнуюсь! – почти завопил Кузин.

«Кажется, разогрел его, – подумал Абдулла. – Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он успокоился и взял себя в руки».

– Я пришел к вам не за консультацией, и вы, Андрей Владимирович, это лучше меня понимаете, – нарочно медленно выговаривая слова, сказал Абдулла.

– Я ничего не понимаю! Объясните, что вы от меня хотите?! – размахивая руками, кричал Кузин.

– Я пришел к вам за рукописью, которую вы вынесли из Публичной библиотеки 29 декабря прошлого года, – впившись глазами в Кузина, произнес Абдулла.

– Да вы с ума сошли! – вскричал Кузин, рассекая воздух руками. – Какая рукопись?!

– Рукопись Корана восьмого века, – пояснил Абдулла.

– Да вы что! – Абдулла увидел, как у Кузина задергался глаз. – Откуда она у меня? Ее просто быть не могло в Публичке. Кто вам сказал такую чушь? А... я, кажется, догадываюсь. Это Илья. Это он вам все рассказал?

– Неважно кто. Вопросы, если позволите, пока буду задавать я, – эту фразу Абдулла запомнил из одного старого фильма. Она звучала по-мужски сурово и бескомпромиссно и оттого сильно нравилась Абдулле.

– Да с какой стати?! Кто вы такой? Я могу вообще не отвечать на ваши вопросы, – вдруг заявил Кузин и опустился на стул в другом конце кабинета. Абдулле в тот момент показалось, что артистичный профессор обо всем догадался.

– Можете, – подтвердил Абдулла, – но тогда мне придется провести у вас обыск, – Абдулла извлек из папки изготовленное им около часа назад постановление о проведении обыска и передал его Кузину.

Подержав некоторое время документ в руках, тот с умело изображаемым безразличием вернул его Абдулле и довольно спокойно, разве что с некоторой показной театральностью, произнес:

– Что ж, спрашивайте.

– Я вас, если помните, уже спросил: где рукопись? – терпеливо напомнил Абдулла.

– А я вам уже ответил, что не знаю, – рявкнул Кузин и, импозантно скрестив руки на груди, отвернулся от Абдуллы.

– Хорошо, спрошу по-другому, – Абдулла почувствовал, что начинает терять уверенность в успехе своей затеи. – Вы были 29 декабря в Публичной библиотеке?

– 29-го?.. – Кузин задумался или сделал вид, что задумался. – Был, кажется. Не помню точно, но вроде был.

– Попробуйте вспомнить наверняка, – Абдулла не выпускал Кузина из-под прицела своих красных от усталости глаз.

Кузин обхватил ладонью лоб, скрыв на несколько секунд от Абдуллы половину собственного лица. Когда он убрал руку, шариатский судья увидел перед собой само воплощение уверенности и невозмутимости.

– Да, был, – холодно ответил Кузин.

– Один?

– В смысле?

– Я спрашиваю, вы были один или с кем-то еще? – от волнения у Абдуллы задрожали губы, и ему пришлось закрыть рот ладонью.

– Ах, да! С ним и был – с Ильей, будь он неладен, фантазер. Друг еще называется! Прямо, как у одного арабского поэта:

Твой близкий друг, – быть может, злейший враг!

Не доверяйся – попадешь впросак!
Не жди добра, ведь эта жизнь жестока,
И жди из-за угла ударов рока.

Вслед за тем Кузин вдруг неестественно засмеялся, но, поймав жесткий взгляд Абдуллы, сразу же остановился и, сменив положение ног, уставился в одинокую точку на потолке.

– Не очень-то вы похожи на жертву предательства, – заметил Абдулла, неторопливо расхаживая по кабинету. – Но это ваше личное дело. Меня интересует, что вы делали в библиотеке?

– Как что? Что можно в библиотеке делать? – настроившись на ироничный тон, Кузин надеялся окончательно побороть волнение, и Абдулла очень хорошо видел это.

– Вы напрасно пытаетесь скрыть свой страх за подобными фразами, – сказал Абдулла.

– Я?! Какой страх? Чего мне бояться?! – Абдулла не мог не порадоваться, как легко ему удается манипулировать Кузиным. Но только что толку?

Не забывая ни на минуту, что его расследование не имело под собой никакого законного основания, Абдулла опасался, что каждое неосторожно сказанное им слово может помешать раскрытию дела.

– Итак, что вы делали в библиотеке? – Абдулла остановился перед Кузиным, продолжавшим сидеть на стуле.

– Мы? – удивленно переспросил Кузин. Абдулла готов был разорвать Кузина за то, что тот тянет время, пытаясь выдумать «удобоваримый» ответ.

– Не тяните время, пожалуйста! – слегка прикрикнул он на Кузина. – Вы с Баумом. Что вы делали в библиотеке?

– Как что?! Читали, разумеется.

– Что читали? – сжав свои маленькие кулачки, пробасил Абдулла.

– Читали рукописи. Илья наткнулся на шкаф со старинными рукописями на арабском языке. Их уже лет сто пятьдесят никто не просматривал. Вот мы их и изучали.

– Как долго вы их «изучали»? – продолжал допрос Абдулла.

– Не помню, – Кузин опять «задумался». – Часа два-три.

– А потом?

– Что потом? – в задумчивости повторил Кузин. – Домой пошли.

– И все?

Увидев, что Кузин окончательно и бесповоротно начинает обретать уверенность и спокойно парирует его вопросы, Абдулла опять пошел напролом.

– А рукопись Корана, которую вы запрятали под рубашку?

Это был запрещенный удар.

– Да дался вам этот Коран! – мгновенно взорвался Кузин. – Говорю вам: не было никакого Корана! Понимаете: не было!

– А что же вы тогда вынесли из библиотеки?

– Ничего! Почему, по-вашему, я непременно должен был что-то вынести оттуда?! – Кузин вскочил со стула.

– Потому что у меня есть факты, подтверждающие это, – как можно более спокойно произнес Абдулла.

– Какие, позвольте полюбопытствовать?! – злобно спросил Кузин.

В этот момент их взгляды встретились, и Абдулла понял, что оступился. Оступился столь серьезно, что похерил весь допрос, потому что никаких фактов у него и в помине не было. Возникла пауза. Возбужденный Кузин, бросив скорострельный, подобный контрольному выстрелу, взгляд на Абдуллу, уже праздновал победу в этой непростой интеллектуальной схватке.

– Все! Баста! Я больше не собираюсь отвечать на ваши вопросы, – заявил он и, вновь усевшись на стул, закинул ногу на ногу. – «И Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи».

– В таком случае, Андрей Владимирович, нам все-таки придется провести у вас обыск, – сквозь зубы проговорил Абдулла.

– Делайте, что хотите, – Кузин махнул на Абдуллу рукой и импозантно подпер ладонью лоб.

– С вашего позволения, мы начнем с той комнаты, – мысленно проклиная себя за досадный промах, Абдулла поднялся с кресла, за которым Кузин, возможно, всего час назад, пуская слюни от восторга, изучал похищенную рукопись. – Это означает, что вам лучше пройти туда.

Пока Саид, во время допроса смиренно сидевший в гостиной, ходил за понятиями, Абдулла начал неторопливо осматривать квартиру. Аллах свидетель, он сделал все, что было в его силах, чтобы не допустить обыска. Придя сюда по подложным документам, Абдулла рассчитывал застать Кузина врасплох и с помощью настойчивости и блефа заполучить похищенную рукопись.

Но Кузин, то ли что-то заподозривший, то ли просто интуитивно избравший такую тактику поведения, лишил Абдуллу возможности радоваться скорой победе. У Абдуллы оставался один-единственный шанс – обыск. Если же и в результате обыска ничего не удастся обнаружить, Абдулле придется писать рапорт об увольнении. Письменного заявления Кузина о проведении незаконного обыска будет вполне достаточно, чтобы устроить грандиозный скандал. А то, что обыск незаконный, Кузин, похоже, уже догадался. Вон глаза-то как бегают. Шайтан!

Абдулле бесконечно нравилась его работа, и он ни за что не согласился бы потерять ее. Но потеря работы – ничто по сравнению с теми последствиями, которыми угрожает его ошибка шариатскому судопроизводству, едва только ставшему на ноги и с таким невероятным трудом завоевавшим авторитет граждан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.